

— А собаки на что? Собаки бы залаяли!

Убедительно. Надо идти. Когда тебе седьмой год, то двадцать шагов в темноте среди деревьев... Что там говорить.

Но через две минуты молоток лежит на столе.

Новая весна. Рыжая весенняя вода мчится по руслу речки, выложенному льдом. Светлый оленёнок, родившийся вчера, поднимается на невероятно длинные ноги.

Отец пригнал к палатке оленей.

— Луча! — кричит Танюха. — Ты сколько оленей поймал?

Луча — русский. Это я.

— Двух, — отвечаю.

— А я — вот сколько! — она показывает три пальца и, довольная, ковыляет к Экимчану, который перестаёт жевать жвачку. Он не боится её, только изумлённо таращит глаза.

Цоп за уздечку!.. Попался, дуралей...

Вот и Танька уже помощница.

А Иванчику осенью в школу.

Грустный реванш профессора Пирата⁵⁹²

Маленькая старушка-эвенкийка подыскивала кличку белому щенку. Щенок помог ей в этом. Ковыляя туда-сюда по комнате, он нашёл на полу шахматную фигурку из пластмассы. Такую же белую и головастую, как и он сам.

И старушка назвала щенка Шахмат. Для справки укажем, что в этом несколько неожиданном, с точки зрения грамматики, слове ударение поставлено на первый слог. Кличка звучная, раскатистая. Если вы крикнете: «Шахмат!» — вся тайга скажет: «Ах!...Ах!», — три синицы слетят с ветки, уронив вам за шиворот снежный ком, и белый пёс вылетит из кустов.

Желтовато-белый пес. И язык у плеча — словно красное кашне.

Одно ухо смотрит у него вверх, а другое — вниз. Сам Шахмат смотрит всегда в одну сторону — в ту, откуда вкусно пахнет. Глаза у него цвета жигулёвского пива, и в них вертится столько находчивости, сколько хватило бы на десяток толстых дядек, торгующих этим пивом

Первые два года жизни Шахмат провёл в посёлке, и провёл приятно. Смачный кусок был всегда обеспечен, потому что Шахмат умел его стащить или выклянчить с помощью подхалимажа. Досуг проходил в драках. Клыки у пса были крепкие, а если противник оказывался силён, то выручали приятели.

⁵⁹² Горняк Севера. — № 24, 27. 1, 3 марта 1973. — С 4. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.

Жизнь была проста, и в жизни везло. И если бы Шахмат действительно разбирался в шахматах, он бы не задумался сравнить себя с ферзем.

И вдруг — незнакомая обстановка. Тайга, пахнувшая бурундуками и мышами. Олени с колокольчиками на шее и плохой привычкой драть передним копытом. Палатка, где варят мясное. Вьючные сумки там и сям, усыпанные жёлтой хвоей лиственниц. И два пса — Рыжий и Пират, два лесных невежи, которых придётся просветить насчёт его, Шахмата, доблестей и умения жить.

Добравшись до реки Ын, мы затеяли ночью рыбалку. И сразу же вытащили ленка. От этой удачи крылья выросли на пиджаках. Положив ленка на галечной косе, мы вдохновенно спотыкались впотьмах о коряги, махали спиннингами на плёсах и коченели от холода. Луна убежала в облака и возвращалась — глянуть, не поймали ли мы ещё рыбки? Нет, не поймали...

Мы ругали реку и холод, заодно и Шахмата, который сопровождал нас, а потом бросил. Наверное, вернулся к палатке.

— Лодырь! — ворчали мы. — У костра греется.

Но Шахмат прибежал. Он не бросил нас! Он бил хвостом по камням, приседая, и желал умереть от любви к хозяевам.

— Ну, ну, Шахмат! — растрогались мы.

Мы в тот момент и не знали, что вполне заработали такую любовь. Единственная наша рыбина восхитила Шахмата, и он слопал её вместе со шпагатом, продетым сквозь жабры...

Так Шахмат познакомил нас со своими манерами.

С Рыжим и Пиратом он свёл знакомство в первый же день.

Рыжий — весёлый пёс. Весёлый от молодости и от того, что, хотя таёжная работа и тяжела, но получается она хорошо, и самому радостно, и хозяин доволен. А Пират, чёрный, с белой грудью, глядит хмуро, потому что стар. Других причин хмуриться у него не было. Пока не появился Шахмат.

У Рыжего и у Пирата, как у всякой собаки, нет в обиходе понятия «гость». Есть понятие «чужой». А если чужой — держи себя в рамках.

У Шахмата в свою очередь не было понятия о рамках.

Но сначала обе стороны лишь скупно — на четверть клыка — оскаливались. Потом собакам раздали еду.

Съев свою порцию, Шахмат прошёлся и встал не так чтобы далеко от Пирата, который угрюмо встряхивал головой, опустошая свою миску. Смысл хода был ясен: поселковый ферзь объявлял шах захудалому таёжному королю.

На помощь Пирату рванулся Рыжий. Собаки — белая, чёрная и рыжая — образовали клубок, цвет которого невозможно было определить, потому что клубок бешено закрутился по табору. Мы выскочили из-за палатки и минут пять, ничего не слыша от собачьего визга и рычания, работали сапогами и поленьями. У Шахмата оказалось разорванным ухо, но вид он имел задорный: мы, мол, себя ещё покажем!

Ферзь не отказался от наступательной стратегии. Но теперь Шахмат накидывался на Пирата, лишь видя, что рядом нет Рыжего. Пирату приходилось туго.

— Что, старик, попало? — сочувствовали мы. — Были бы у тебя клыки как клыки, ты б ему показал...

Пират мрачно глядел в сторону. Клыками он не мог похвастать. Это удел каждой собаки-соболятницы. Загнав соболя в его убежище и пытаясь до него добраться, она в злобе грызёт и камни, и корни, и мёрзлую землю. Тупые или сломанные клыки старой рабочей собаки вызывают почтение, показывая, что пёс честно потрудился на хозяина. А для драки они годятся мало...

Пират — не лайка. Он, как говорят знатоки, «даже не лайкоид». Но за свою жизнь он загнал хозяину соболей больше, чем Шахмат стащил плохо лежащих кусков. А Рыжий, работяга и добытчик Рыжий, — он ученик Пирата.

А главное — медведи, убитые Иваном Соловьёвым, выдвигали перед смертью пиратовы ступленные клыки на близком расстоянии.

И вот — терпи, старик. Одной отваги и опыта недостаточно, чтобы проучить молодого нахала, у которого клыки — хоть на выставку.

По утрам, оседлав оленя, Иван Соловьёв брал Шахмата на поводок, а конец поводка привязывал к седлу. А Пират бежал вольно.

Взяв соболиный след, Пират прыжками кружил по мари. В затруднительных местах он останавливался на миг, подняв переднюю лапу и склонив голову набок — в размышлении.

Он нюхал следы и всё чихал, чтобы выдуть из носа снег. Он был похож на старичка профессора, который деловито бегаёт вдоль исписанной формулами доски и чихает от меловой пыли...

А Шахмат восторженно рвался вперёд, взад и вбок, попадая под копыта оленя. У свежего следа Иван снимал поводок, и Шахмат летел по следу во весь дух. Но, вдруг остановившись, с размаху по самые глаза совал морду в мышиную нору.

«Мышь! Ух, близко! Мышиный дух волнует до кончика хвоста... Но почему хозяин тычет в меня палкой? Ах, да, след соболя! Вперёд!»

«Ф-р-р!» — Рябчики взлетели. Туда! — «Ав! Ав! Ав!»

«Опять трёпка?.. Ну, хорошо, соболя так соболя...»

Старый ли след соболя, взявшийся уже корочкой, или свежий, пухово-рыхлый, — какая разница? Бежать в ту сторону или в противоположную — не всё ли равно? Лишь бы мчаться, опалая жаркой пастью мёрзлый кустарник. Мчаться и туда, и сюда. Жизнь проста, а отличиться в жизни — пара пустяков. Только надо спешить!

Иван глядел на Шахматовы прыжки озадаченно: «Как он лоб не разобьёт?» А вечером, греясь у железной печки, говорил:

— Поздновато учить начали. Возни будет много. А пёс азартный...

Как-то след соболя упёрся в грудку валежника и здесь оборвался.

Шахмат заработал зубами и лапами, разгребая снег и грызя мёрзлые гнилушки. Пират тоже подскочил, покрутил носом.

Иван тронул оленя и объехал вокруг валежника. Продолжения соболиного следа не было, значит, спрятался здесь. Но где же Пират? Почему

он не роет? Пират зря не уйдёт. Возможно, соболь из валежника убежал, пройдя некоторое расстояние под снегом, не оставив следа на поверхности?

Иван снова тронул оленя и сделал теперь круг гораздо больший. Но нигде след не выныривал из сугроба.

Всё-таки здесь!

Иван спешился. «Что же Пират-то удрал? Дурью мается!» Отвязал топорик, чтобы помочь Шахмату, который, задыхаясь от злости, вырыл уже под валежиной большую яму.

Тут в отдалении залаял Пират.

Иван вскочил в седло и погнал на лай.

На ёлке, под которой крутился Пират, сидел, весь подобрившись, соболь и сипло урчал.

Он показал себя молодцом. Он провёл молодого пса, оставив под валежиной лимонное пятнышко мочи, и запах её приводил в бешенство Шахмата. Он провёл охотника: в зеленоватом сугробном свете шёл очень долго и вылез из-под глубокого снега далеко от погони.

Не обманул только чёрного пса с седой мордой.

— Ай да Пиратушка! — весело сказал Иван, слезая с седла, привязывая оленя, снимая винтовку. — Утёр ты нам нос!

Ошалело подлетел Шахмат, задрал морду вверх. Увидел соболя...

Но в эту минуту давайте остановимся и представим себе некоторую картину. Ведь представить себе можно всё что угодно.

Представим себе, что среди зимнего леса, такого белого-белого, выросло чёрное пятно. Это в чёрных костюмах встали ряды скрипачей с суровыми лицами. Дрогнул свет пасмурного неба. И хор торжественных скрипок запел прямо в лесу, там, где были охотники, собаки и соболь. И вот Шахмат опускает морду. Он тихо виляет поджатым хвостом и подходит к Пирату. А скрипки играют в лесу и заставляют думать, что Шахмат говорит: «Прости, старик, жизнь не так проста, и нелегко стать в ней ферзем!...»

Вот что представили мы себе.

Но снова взлетели три синицы, уронив нам за шиворот снежный ком. И мы смеёмся: ведь было не так!

А по-другому.

Ошалело подлетел Шахмат. Переведя дух, торопливо залаял: вот же, мол, соболь-то! Не видите, что ли?

— Давай, давай, дурень! — усмехнулся Иван. — Хоть полай по живой-то пушнине.

И Шахмат лаял самозабвенно и счастливо, словно это им, Шахматом, был загнан сидевший на ветке соболь. И порох, что у хозяина в патронах, тоже изобрёл он, Шахмат. Вот как он лаял!

Пират был стар. Он молчал, глядя то вверх, то на хозяина.